

Этот тупица-немой с каких пор... научился так говорить?

Черный Слепной хоть и не подал виду, но про себя пробормотал, и это странное чувство неловкости даже заставило его, что случалось крайне редко, ощутить жар в ушах.

Сидевшие позади них молодые люди из рода Чжан во все глаза тарасились на происходящее, с удовольствием наблюдая за сценой и не забывая переглядываться на ходу:

— Это что же... наш патриарх одумался?

— Да не просто одумался! Прямо железное дерево зацвело!

— У Си-е уши покраснели! Я видел!

— Тсс, тише вы, не мешайте патриарху показать себя!

На молодых лицах читалось сдерживаемое веселье, а в глазах сияло яркое возбуждение.

Чжан Хайкэ посмотрел на эту компанию сверкающих глазами младших, которые готовы были тут же вытащить семечки, и беспомощно покачал головой.

Но сам он тоже не удержался и перевел взгляд на те две фигуры впереди, что снова держались за руки, а на дне его глаз тихонько проступило облегчение.

Все члены семьи Чжан были заняты созерцанием того, как у патриарха зацвело железное дерево, и никто не обращал внимания на ту фигуру на земле, которую только что отпихнули.

Если не считать Панцзы, которому было на это больно смотреть, — он вздохнул и помог У Се подняться, — больше никто не проявил к происходящему ни малейшего интереса.

Черный Слепной откашлялся, отвел блуждающий взгляд, напустил на себя серьезный вид и чуть приподнял подбородок:

— Ну всё, хорош пялиться, смотрите на световой экран.

Стоило Черному Слепному договорить, как парящий световой экран послушно ожил, кадры вновь задвигались, и перед ними медленно проступило новое изображение.

[Черный Слепной прикрыл глаза, а когда открыл их снова, на дне его взгляде застыла лишь ледяная гладь.

Узнав правду, я убил Ци Юя.

Он говорил очень медленно, каждое его слово словно было вымощено в ледяной воде.

Если бы Ци Тецуй просто плел интриги против меня, заставив Ци Юя подражать мне и занять мое место, ладно еще. Но он... он попытался через Ци Юй использовать это, чтобы подобраться к Чжан Цилину.

В то время мы с немой уже были вместе. — Он сделал паузу, и его голос упал: — Я не мог позволить кому бы то ни было причинить ему вред.

Этот немой, сколько бы вы ни смотрели на его бесстрастное лицо, будто ему до всего нет дела... на самом деле он донельзя мягкосердечен. Стоит ему решить, что кого-то можно спасти, и он протянет руку, даже прекрасно понимая, что это ловушка.

Тогда я... боялся, что его мягкосердечие сыграет с ним злую шутку. — Черный Слепной криво усмехнулся, и в этой улыбке не было ни капли тепла. — Поэтому я ничего ему не сказал. И просто... покончил с этим.

Выражение лица Черного Слепного слегка смягчилось, на мгновение он погрузился в оцепенение.

Когда немой узнал об этом, он не произнес ни слова.

Цзе Юйчэнь посмотрел на Черного Слепного, его взгляд был спокоен, а голос — мягким и тихим:

Убить собственными руками того, кого растил как сына... Даже для него тебе ведь было нелегко, Слепной?

Черный Слепной молчал и ничего не ответил.

Он лишь продолжил говорить, словно желая выплеснуть наружу всё то, что годами оседало в глубине его души и о чем он никогда никому не рассказывал, излить это до последней капли.

После этого мы прожили какое-то время относительно спокойно.

Его голос чуть замер, словно он вспоминал то короткое мгновение умиротворения.

А потом в один прекрасный день Чжан Цилин внезапно заявил... что нам нужно расстаться. Он сказал, что должен вернуться на родину, чтобы исполнить свой долг патриарха семьи Чжан.

Но тогда... я еще не закончил учебу и не мог отправиться следом за ним.

Голос Черного Слепного упал, в нем слышалась едва уловимая заминка.

Поэтому Чжан Цилин... вернулся один.

Когда я закончил учебу и вернулся на родину, моим первым делом было разыскать его.

Но в людском море я понятия не имел, где его искать.

Тогда я вспомнил, что Ци Тецуй, раз уж плел интриги против него, непременно должен был знать о его происхождении.

И тогда... я пошел по следу Ци Тецуя и начал расследование.

Именно тогда я по-настоящему узнал, чем занимается Чжан Цилин.

Чтобы было проще его отыскать, я и подался в эту сферу. А позже... я действительно встретил его.

Черный Слепной ненадолго умолк, и на дне его глаз промелькнул слабый, почти насмешливый надлом.

Только вот тогда... он уже не помнил меня.

В его взгляде, когда он смотрел на меня, читалась лишь чужая настороженность... и не осталось ни капли прежней нежности.

И тогда я еще не знал... что впереди Чжан Цилин будет снова и снова забывать меня.

Его голос стих, в нем зазвучало какое-то далекое, почти растерянное оцепенение.

Если бы я знал это заранее...

Если бы он с самого начала знал, что в этой долгой погоне его ждут бесчисленные холодные мгновения забвения,

стал бы он тогда, как и в те годы, сломя голову бежать следом?

Черный Слепной молчал и не назвал ответа.

Быть может, он и сам его не знал.]

Световой экран погас, и лишь тихий, низкий отзвук голоса Черного Слепного казался разлитым в воздухе.

Цзе Юйчэнь опустил ресницы, кончики его пальцев беззвучно сжались.

Лицо У Эрбая было мрачнее тучи, его взгляд уперся в пустоту перед ним — оставалось лишь гадать, о чем он думал.

Лицо У Санышэна сделалось совсем седым, холодный пот почти насквозь пропитал его спину, он даже не смел посмотреть в сторону Чжан Цилина.

Среди членов семьи Чжан царило суровое молчание.

Младшие поумерили свое прежнее веселье, все сидели как влитые, а в их глазах читалась тяжесть, не по годам зрелая.

Чжан Хайкэ прикрыл глаза, линия его челюсти напряглась.

Все они знали, какой груз лежит на плечах патриарха, но никогда прежде не думали, что за этим круговоротом забвения скрывается еще и такая боль двоих людей, погребенная толщей времени.

Панцзы поддерживал У Се, чувствуя, как дрожит тело под его рукой.

У Се опустил голову, челка скрывала глаза, и выражения его лица было не разглядеть; лишь крепко сжатые челюсти и до боли стиснутые кулаки выдавали бурю, бушевавшую в его душе.

Фраза «я не знаком» и безжалостный удар ноги уже растерзали в клочья всё то, во что он так упрямо верил.

Теперь же откровения светового экрана походили на ушат ледяной воды, окончательно гасивший последние крупницы его самообмана и несбыточных надед.

Чжан Цилин по-прежнему держал Черного Слепного за руку, их пальцы были переплетены с уверенной, крепкой силой.

Он повернул голову, глядя на суровый профиль сидевшего рядом человека.

Те забытые годы, те горечь и выбор, которые тот испытал в одиночку, теперь тяжелой волной обрушились на только что пробудившиеся берега его памяти.

Он помнил тепло камина в зимней Германии, помнил нежный детский голос Ци Юя, звавшего его, а еще... тот преследовавший его долгой порою взгляд, который всегда следовал за ним по пятам и который он сам же раз за разом равнодушно отталкивал.

Подушечка его большого пальца едва заметно провела по тыльной стороне ладони Черного Слепного.

Черный Слепной почувствовал это легчайшее прикосновение, его ресницы едва уловимо дрогнули, но он не повернул головы, продолжая смотреть на пустой экран впереди, словно на нем всё еще не рассеялись видения.

— Всё прошло, немой, — внезапно заговорил он, его голос был немного хриплым, но в нем звучало обретенное спокойствие. — Разве теперь всё не наладилось?

Чжан Цилин ничего не ответил, но, вспомнив, как Черный Слепной в мыслях допускал мысль отказаться от него, переплетенные пальцы сжались еще сильнее.

—

Немного обновил главу~

<http://bllate.org/book/20900/2112993>